

Трофей дедушки Алексея (к 80-летию судебной расправы над крестьянами села Ведомши)

28 мая (9 июня) 1880 года к дому № 32 по Ново-Московской улице (ныне улица Кардовского) в Переславле-Залесском было приковано внимание не только этого города, но и города Владимира и далее — Москвы и Петербурга.

Обе стороны улицы возле дома и прилегающие к нему переулки были заставлены лошадьми, запряжёнными в крестьянские повозки, на которых сидели плачущие женщины и дети. Около них стояли мужчины от молодых до седобородых с суровыми, но спокойными лицами. Между ними важно расхаживали полицейские во главе с уездным исправником.

В 10 часов утра обширный зал дома уездного земского собрания наполнился народом. Здесь собрался Владимирский окружной суд, чтобы судить 179 крестьян села Ведомши Переславского уезда за бунт и «неповиновение властям».

Присутствовавший на суде корреспондент московской газеты «Русский курьер» А. В. Смирнов в 171 номере газеты от 26 июня 1880 г. так описывал это судилище:

Суть дела состоит в том, что крестьяне села Ведомши, бывшие крепостные г. Мина, в последние годы отказывались платить ему подать.[...] По требованию г. Мина, наконец, начальство вынуждено было приступить к описи имения крестьян. Вот тут-то, в 1879 году, и произошло «неповиновение». Приехавших судебного пристава, а потом и самого исправника крестьяне не допустили до описи имения, сопровождая своё неповиновение различными угрозами. Мотивом к неповиновению было то, что доставшаяся им земля — и малочисленна и неудобна. Крестьяне заявляли о причине неплатежа. Сначала как-то не обращали внимания на это, но потом, когда дело приняло острый характер, приступлено было к проверке жалоб крестьян. Земля, действительно, оказалась никуда не годной... Говорят, что и земля-то введена во владение не та, что значится в плане. Приехавший член из Губернского по крестьянским делам присутствия обещал крестьянам, что дело будет решено в их пользу...

Исход дела был, конечно, печальный. На суде подтвердилось, что крестьяне были правы, но суд был дворянский, стоявший на страже не справедливости, а интересов помещиков, и поэтому крестьяне были осуждены к тюремному заключению. Если принять во внимание, что 175 крестьян (четверо были оправданы, как не жившие в селе) были в самое горячее время весенней страды оторваны от земли, можно себе представить, какой урон был нанесён их хозяйству этим приговором суда.

Вот, в сущности, и всё, что краеведы и историки знали об этом событии. Поиски в архивах материалов о бунте в селе Ведомше не привели ни к чему...

Тогда переславские краеведы отправилась в Ведомшу. Узкоколейный поезд нас привёз к новому посёлку торфяников Кубринску. Здесь среди свежей зелени открылись улицы с красивыми двухэтажными домами, детским садом, школой, больницей, клубом, служебными постройками, гостиницей. Этот центр торфопредприятия сам по себе заслуживает особого очерка. Но нас интересовала Ведомша, та самая, до которой в старое время можно

*Васильев, С. Д. Трофей дедушки Алексея (к 80-летию судебной расправы над крестьянами села Ведомши) / С. Д. Васильев // *Победа (Нагорье)*. — 1960. — 11 июня; 14 июня. — С. 3; 3.

было добраться только жарким летом или суровой зимой, когда дороги были проезжими, та Вedomша, про жителей которой когда-то говорили: «Что с него спрашивать? Он из Вedomши...»

Теперь Вedomша — совсем-совсем не та. Идём по молодёжному селу. Там и тут новые, обшитые тёсом дома, дома с затейливыми крыльцами, террасами и светёлками, издали видна телевизионная антенна, в центре около колхозного клуба танцевальная площадка, висит афиша: «Сегодня эстрадный концерт». По улице бежит автобус Нагорье—Загорск. Так вот она какая, Вedomша, где 80 лет назад мужики поднялись против барина и властей!

Дедушка Алексей Калязинцев принял нас радушно. Обычно в очерке принято дать литературный портрет, но мы отступим от этого канона. Поняв сразу, зачем мы пришли, он начал рассказывать:

Как же, помню, хоть и мальчишкой был. Самого Мина тогда уже не было, а были его сестры. Одна из них приехала в село, да застряла на болоте в карете. Дорог не было. Прибегает её дворецкий Ефим Калаташин сгонять мужиков, барыню выручать. Боялись тогда барыни. Пошли мужики. Побежал и я посмотреть. Был у нас свой силач — дядя Аверьян. Он и выволок барыню. А барыня приезжала долги с нас взыскивать, но не тут-то было...

Дедушка Алексей немного помолчал, подумал и продолжал: «Прокурор приехал и прямо к попу ночевать. С ним был исправник Бунин. На другой день согнали они всех мужиков, поставили их на колени. Стали читать бумагу. А мужики кричали «не допустим». Потом отец говорил дома, что негде денег взять, и последний лес на корню продали. Помню, как нас, ребят, из домов повыгнали, а на дома замки повесили, чтобы полиция не входила. Мой отец больше всех на сходке кричал, ему да ещё Матвею Кабанову, Гавриле Борисову, Алексею Пешеву и Ивану Шатилову больше всех и досталось».

Дедушка Алексей подробно рассказывал, как в конце концов полиция во главе с исправником и приставом были выгнаны из села, и его рассказ совпадал с корреспонденцией А. В. Смирнова.

Краеведы записали рассказ и собрались было уходить, но Алексей Иванович их остановил: «Погодите, погодите, друзья, — и куда-то ушёл. Через минуту он вернулся с каким-то свёртком, завернутым в холстину. «Это вам, милочки, в музей», — сказал старик, протягивая свёрток.

Это был «Обвинительный акт товарища прокурора Владимирского окружного суда Н. А. Мясоедова по делу о крестьянах села Вedomши, Переславского уезда, Матвее Иванове Кабанове, Гавриле Кузьмине Борисове и прочих, обвиняемых в преступлении, предусмотренном 2 частью 273 статьи Уложения о наказаниях».

Простой русский крестьянин 80 лет хранил этот исторический документ, свидетельствующий, как крестьяне села Вedomши, Переславского уезда, Владимирской губернии впервые выступили против помещиков и произвола царских властей.

Спасибо, дедушка Алексей!

Вот о чём рассказывает эта старая пожелтевшая бумага с надорванными краями:

14 января 1879 года в село Вedomшу, Переславского уезда, прибыл согласно предписанию местного Уездного исправника пристав 2-го стана Константинович для отобрания имущества всех крестьян сказанного селения, описанного на предмет пополнения числящейся за крестьянами оброчной недоимки в количестве 8455 рублей. Для оказания помощи становому приставу в село Вedomшу были вызваны Вишняковский волостной старшина Иван Никитин Панов и полицейский урядник Григорий Иванов Тюкин. В присутствии названных лиц крестьяне отдать имущество отказались, заявляя приставу, что надел их должен быть переосвидетельствован и что оброк они платить не будут. Из показания названных лиц видно, что крестьяне всем селением окружили дом, откуда предполагалось первоначально взять имущество, и стали кричать: «Не дадим, что хотите делайте!» Когда же становой пристав пожелал пройти к дому, то крестьяне сплотились, стали стеной и не пропустили его. На основании этих данных к предварительному следствию были привлечены 146 крестьян села Вedomши (идёт перечисление фамилий).

Все они, не отрицая участия своего в сопротивлении становому приставу, объяснили, что они отказываются платить оброк, так как не имеют надлежащего надела, обеспечивающего их

существование и желают вследствие сего, чтобы им был отведён новый надел, а до тех пор они не будут в состоянии выплачивать требуемый с них оброк. После этого события по постановлению Владимирского губернского по крестьянским делам присутствия в село Ведомшу 26 мая отправился уездный исправник Бунин для той же цели, то есть отобрания имущества, но крестьяне вторично и тем же способом отказались исполнить требование исправника... В означенном вторичном сопротивлении приняли участие следующие 160 домохозяев села Ведомши (идёт перечисление фамилий).

Вышеназванные обвиняемые на допросе у судебного следователя виновными себя в преднамеренном, с общего согласия, неисполнении законных требований исправника признали, объяснив, что они были вынуждены к этому крайней бедностью, при которой продажа последнего скота и иного имущества привела бы их к совершенному разорению.

На основании всего изложенного крестьяне с. Ведомши (перечисляются уже 179 фамилий) обвиняются в том, что по предварительному между собой сговору уклонились от лежащих на них обязанностей уплаты оброчной недоимки, а затем и выдачи по требованию полицейских властей принадлежащего им имущества. Преступление это предусмотрено (перечисляются статьи Уложения о наказаниях) и согласно определению судебной палаты, состоявшемуся 24 августа с. г., названные лица предаются суду Владимирского окружного суда без участия присяжных заседателей. Подписал: товарищ прокурора Н. Мясоедов.¹

Из участников бунта никого, конечно, в живых не осталось. Но жива одна из «подстрекательниц», плач которой в защиту коровёнки и кривоногого самовара смягчил выступление Алексея Пешева-Ширшикова. Бабушке Акулине Пешевой пошёл 103-й год. Её старость покойна и обеспеченна.

Есть в Ведомше немало внуков и внучек тех гордых и непокорных крестьян. Представители советского поколения трудятся в здешнем колхозе «Заря коммуны» и в будущем городе Кубринске. Им дано строить коммунизм, но пусть они никогда не забывают и законно гордятся подвигом своих отцов и дедов.

¹Этот текст недостоверен. Другой его вариант см.: *Васильев, С. Д.* Находка в Ведомше / С. Д. Васильев // *Коммунар*. — 1979. — 26 января. — С. 3. — *Ред.*